

Александр Житинский

Голоса

*Часть сборника
Лестница (сборник)*

Александр Житинский

Голоса

«Геликон Плюс»

1977

Житинский А. Н.

Голоса / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1977

«Сумерки подкрались к деревне неслышно, вместе с низким туманом, который отслоился от земли и повис над ней длинными густеющими полосами, скрывшими сеновал в поле, кривую, сплетенную из тонких осиновых стволов изгородь вдоль дороги и крайнюю в деревне избу. Крыша этой избы почернела, а высокая телевизионная антенна, привязанная к соседнему с крыльцом дереву, отпечаталась в холодном небе глубоко и четко, как заглавная буква на титульном листе книги... Какой? Митя этого не знал...»

© Житинский А. Н., 1977

© Геликон Плюс, 1977

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Житинский

Голоса

Глава 1

Названная родина. На чердаке. Кое-что о сетях и полях. Разговор с печной трубой

Сумерки подкрались к деревне неслышно, вместе с низким туманом, который отслоился от земли и повис над ней длинными густеющими полосами, скрывшими сеновал в поле, крикую, сплетенную из тонких осиновых стволов изгородь вдоль дороги и крайнюю в деревне избу. Крыша этой избы почернела, а высокая телевизионная антенна, привязанная к соседнему с крыльцом дереву, отпечаталась в холодном небе глубоко и четко, как заглавная буква на титульном листе книги... Какой? Митя этого не знал.

Деревня была в пять домов и называлась Коржино. Она была названной родиной Мити Богинова. Так ее окрестил сам Митя по аналогии с названным отцом или названной матерью.

Семь лет назад Митя Богинов с женой Аней и дочерью Катей, которой тогда было пять лет, впервые посетил эти места в Ярославской области.

Тогда они приехали в старинный русский городок, районный центр, привлекаемые более всего экзотикой его церковей, а потом, отъехав от городка на автобусе, побрели с рюкзаками вдоль реки, у которой лепились крохотные деревеньки с тропинками, спускающимися к воде, и низкими плотными баньками, толпящимися на крутом берегу. Встречавшиеся старухи обстоительно здоровались с ними и охотно давали советы, у кого им остановиться. «У Ерохиных стоят... У Нинки тоже стоят... Проситесь к Люське Павловой, она без хозяина, с дедом одним. Она пустит...»

Они пришли к Люське в деревню Кайлы поздним вечером, попили чаю, а переговоры о постое отложили до утра. Собственно, и утром никаких переговоров не было. Люська и дед Василий, ее отец, поглядели на них в утреннем свете и махнули рукой: оставайтесь!

И они остались.

Прожили они тогда в Кайлах полтора месяца, обошли все окрестные леса и деревни, среди которых ближайшей была деревня Коржино, отстоявшая от Кайлов на полкилометра вниз по реке Улеме, и вот эти пятьсот метров тонкой петляющей тропинки с клеверным полем, опушкой леса и густыми кустами полуизвестных Мите растений на берегу стали для него географической точкой родины. Митя сам не заметил, как это произошло, но уже года через два вспоминал Кайлы, Коржино и тропинку между ними не просто как одно из мест отдыха, а более значительно и бережно – как родное место, как место, где он родился.

Дело в том, что в Митином сердце уголок под названием «родина» до некоторого времени не то чтобы пустовал, а был заполнен неубедительной картинкой, напоминавшей карту СССР, на которой росла пушистая синтетическая трава с такими же ненастоящими, но довольно красивыми деревьями. Были там и небольшие хребты, и озера, и реки – в общем, нечто вроде объемной иллюстрации к учебнику географии за шестой класс, откуда Митя вынес такое странное ощущение родины.

Иллюстрация сопровождалась иногда музыкой Дунаевского из довоенных кинофильмов, вызывающей почти по привычке гордые детские слезы и ком в горле, когда все идут по площади и поют, и знамена над ними полощутся, и вокруг бездна счастья и оптимизма.

Митя родился в Среднем Поволжье, в эвакуации, на четвертом году войны. Потом, до сознательного возраста, родиной Мити были скучные казенные квартиры в военных городках, где служил его отец. Соответственно должности отца менялись размеры квартир и обстановка, не перестававшая оставаться казенной. На ножках столов, стульев, кроватей были написаны красной краской инвентарные номера. В любую минуту дом Мити мог смениться по воле армейского приказа. Украина заменялась Уралом, а Урал Хабаровским краем с легкостью перемены декораций в театре, отчего Митина отчизна приобретала пестроту климатических и иных условий, приобретала широту, не успевая прорасти вглубь.

Только теперь наконец он сам присвоил себе родину, не спрашивая у нее согласия. Митя сделал это тайно, скрытно, стыдясь самого себя, и от стыдливости окрестил родину «названной».

Так или иначе, вращаясь, веселясь или предаваясь лени в столичном городе, Митя Богинов время от времени извлекал из памяти какую-нибудь часть своего тайного отечества: муравейник под елью в трех метрах от тропинки, овраг, поросший крапивой в Митин рост, родник с чистым песчаным дном, огороженный черным срубом, и даже железную трубу, перекинутую через овраг, по которой они с Катей любили ходить, балансируя раскинутыми руками. Митя придирчиво рассматривал свое богатство, отдыхая душой и мечтая вновь к нему вернуться, когда будет возможность.

Вероятно, возможность нашлась бы и ранее чем через семь лет, если бы не прибавление в Митиной семье, которое случилось весной следующего года. Сына назвали Ярославом. Новые патристические соображения Мити нашли отражение и в этом вопросе. Впрочем, в семье Славика чаще называли Малышом.

Вечером второго дня встречи со своей названной родиной Митя стоял на крыльце в деревне Коржино, наблюдая наступление сумерек. Он уже забыл, зачем вышел из дому, с удовлетворением втягивая носом воздух и умиротворенно повторяя про себя: «Хорошо-то как!»

– Митенька! Ну чего же ты стоишь?

Возглас жены стряхнул с Мити оцепенение. Он нащупал в кармане брюк фонарик и, обогнув крыльцо, вошел во двор. Двором здесь назывался крытый сарай, примыкавший к избе сзади. По существу, это был хлев – место, где хозяева держали скотину и заготавливали сено на зиму. Сеном была забита верхняя часть двора под крышей, а внизу жила разная живность: корова Малюта с теленком Мишкой, четыре овцы, которых звали одинаково – Шуры, петух с десятком кур, которых никак не звали, а также две безымянные кошки с многочисленными и вечно голодными котятками. Во двор вели два входа – один из темных сеней в избе, а другой со двора в городском понимании этого слова. Там же, в скотном дворе, размещались и «удобства», как их назвала Митина жена. Удобства были организованы с примитивной, почти пугающей откровенностью. Обструганная доска с отверстием и никаких стен и дверей, что весьма смущало Митю.

Светя себе фонариком, Митя взобрался на помостик, где находились удобства. Оттуда начиналась лестница, ведущая на чердак. Сбоку, в темноте, чавкала Малюта и терся о стенку теленок Мишка. Митя полез по лесенке, ухватился за толстое бревно и, перевалившись через него, оказался на мягком, покрытом слоем опилок полу чердака. Он поднял фонарик и осветил закоулки.

Картина, которую увидел Митя Богинов, заставила его городскую душу радостно изумиться, потому что чердак был самый настоящий, захлащенный, пыльный, теплый – совершенно археологический был чердак. Здесь впору было производить раскопки, и бог знает до чего можно было докопаться. Казалось, что века до восемнадцатого, не меньше, хотя Митя сам видел днем под коньком крыши сколоченные из тонких планочек цифры, обозначающие год постройки дома. Дому было двадцать лет. Но это ровным счетом ничего не значило, так как первое, на что обратил внимание Митя, была икона, прислоненная к сундуку. Икона смотрела на Митю грустными глазами Богоматери, проглядывавшими сквозь слой пыли и грязи. Митя

взял икону в руки и стер рукавом пыль. Она была на толстой выгнутой доске. Митя вспомнил, что это свидетельствует о старинности иконы. Краска местами отвалилась, ручка младенца отсутствовала, но тем больше была ценность иконы.

– Настоящая... – пробормотал Митя. – Что ж они, черти, так ее хранят? Хоть бы в сундук положили!

Он открыл сундук и увидел в свете фонарика, что тот доверху набит ватниками, представлявшими, по-видимому, для хозяев бо2льшую ценность, чем икона. Митя сокрушенно перевернул их, но ничего более в сундуке не обнаружил. Он все-таки засунул икону на дно сундука, надеясь со временем выпросить ее у хозяина.

В углу чердака висели на проволочных крюках порванные рыбацкие сети. Они напоминали силовые линии магнитного поля. Такая аналогия могла родиться только в Митиной голове, до отказа забитой всяческими моделями пространства, векторами, группами преобразований и полями. Эти поля не имели никакого отношения к полям, окружающим деревню Коржино, но имели прямое касательство к главному жизненному занятию Мити Богинова, к теоретической физике.

Глядя на веревочные силовые линии, Митя подумал о том, что в этом мире шагу ступить невозможно, чтобы не натолкнуться на какой-нибудь физический термин, мирно висящий на ржавом крючке. Так вот чем это было когда-то в человеческой голове! Поле – полем с колкой твердой стерней, с васильками и клеверными листочками, с куполами стогов, из которых торчат шесты с галками на конце, с ветром, наконец, свободно гуляющим по диагонали. И сеть была сетью с дырами и узлами, с ячейками, рассчитанными на определенную рыбу. Каким образом эти земные понятия совершили скачок в абстрактный мир и превратились в магнитные, электрические, тепловые поля и сети? С некоторым удивлением вернулся Митя к первичному понятию и несколько секунд рассматривал сеть, по привычке располагая на месте дыр полюса магнита, чтобы получить наблюдаемую картину научно. После этого сеть перестала его интересовать, и Митя направился к трубе, которая и была целью его прихода на чердак.

Труба выходила из пола посреди чердака и скрывалась вверху, в темном углу, образованном стропилами. Она была квадратного сечения и толстая снизу, кирпичной кладки. Выше кладка становилась тоньше, и труба незаметно округлялась, обмазанная толстым слоем глины в мелких извилистых трещинках. Митя обхватил трубу руками, скорее, даже обнял ее с неожиданным для себя чувством нежности и прижался щекой. Труба была теплая, чуть шершавая, а внутри нее что-то пело тихо и неразборчиво. Митя прислушался к бормотанию трубы, осторожно лаская ее ладонью, как женщину. Потом он внимательно осмотрел глиняную поверхность, освещая трубу фонариком.

– Все-таки я большой осел! – вслух сказал он, усмехнувшись.

После этого Митя дружески хлопнул трубу по боку и направился к лесенке, все еще посмеиваясь про себя.

Теперь надобно объяснить, что именно искал Митя на чердаке и зачем он так тщательно обследовал трубу. Он искал печную заслонку.

Глава 2

Витька. Страшная ночь. Голоса первые и вторые. Встреча с лошастью

Да, Митенька искал на чердаке печную заслонку, которую они с женой Аней не нашли внизу, в самой печке, осмотрев ее снизу доверху.

Ну как должна выглядеть печная заслонка? Заслонка и есть заслонка, и раз она что-то заслоняет, какое-то отверстие, то Митя представлял ее в виде чугунного или железного листа с ручкой. Этот лист согласно Митиным представлениям обязан был вставляться в определенную щель в печке. Так гласила теория. Но этой теоретической заслонки ни в печке, ни на чердаке найдено не было.

Печь выростала в серьезную проблему. Она преподносила сюрприз за сюрпризом. Соккрытие заслонки было уже второй неприятностью, испытанной Божиновыми со стороны печки. Первая случилась накануне.

Пришедшие в Коржино Божиновы были встречены сыном хозяина Витькой. Витька вылез из сарая, облепленный сеном и заспанный до такой степени, что после каждой фразы его приходилось будить вновь, чтобы выпытать все новости. Новости были следующие. Его мать Надя Чуркина, почтальон, уже три дня как уехала в дом отдыха, чем буквально поразила всех деревенских. В самую страду, летом, она взяла и укатила отдыхать! Общественное мнение деревни Коржино было против Нади, как Божиновы поняли уже на следующий день. Ее поступок тем более осуждался соседками, что Анатолий Иванович, Надин муж, с утра до ночи пропадал в Литвинове, за пять километров, где пас колхозное стадо, а Витька остался без присмотра. Он целыми днями спал на сеновале и питался только молоком. Витьке было шестнадцать лет, он уже выпорхнул из гнезда и учился в райцентре, в техникуме, на сборщика часов. Теперь у него были каникулы.

Витька стоял на крыльце в ватнике и резиновых сапогах, на которых налеплены были комья грязи. Длинные Витькины волосы цвета сена, путаясь с тем же сеном, свисали до плеч, а украшала Витьку тирольская, сильно помятая шляпа. Витька отоспал ей правое поле, которое было будто приклеено к тулье.

Митя и Аня помнили Витьку еще по прошлому приезду. Тогда он был хиленьким деревенским мальчиком с соплями и писклявым голосом. Сейчас голос ломался, и Витька то и дело пускал петуха: начинал фразу хрипло, а заканчивал ее дискантом. Впрочем, назвать фразами то, что он говорил, было бы большим преувеличением.

- Негу отца... – сказал он хмуро и не глядя на Божиновых.
- Витька, да ты что, не узнаешь нас? – спросила Аня.
- Почему?... Узнаю, – протянул Витька без выражения.
- Тебе мать-то сказала, что мы приедем? Мы ей писали, – продолжала Аня.
- Не... – сказал Витька.

Божинины стояли перед высоким крыльцом. Дождь, который сопровождал их от автобусной остановки, еще не кончился, хотя было уже все равно – они промокли до нитки. Катя и Малыш с маленькими рюкзаками за спиной тоже смотрели на Витьку, ожидая его решения.

- Ну, мы подождем Анатолия Ивановича. У него спросим... – неуверенно сказала Аня.
- Не зна... – сказал Витька.

– А ты, брат, вырос, – вдруг проговорил Митя и с досадой почувствовал, что получилось это у него заискивающе, будто он хотел задобрить Витьку, чтобы тот пустил их в избу.

Витька расплылся в улыбке и неожиданно покраснел.

– Ну ладно! – строго сказала Аня. – Ты не видишь, мы под дождем мокнем! Торчишь как пень. Давно бы уже печку растопил. Небось, как мать уехала, и не топили?

– Не... – сказал Витька, но посторонился, пропуская их в избу, а потом нехотя пошел за дровами.

В избе было сыро и темно. Витька сказал, что свет отключили еще вчера. Катя и Малыш смотрели на родителей с тревогой, потому что чувствовали, что отпуск начинается как-то не так, не по-праздничному. Митя с преувеличенной веселостью стал распаковывать рюкзак.

«Ничего, ничего! – твердил он. – Зато потом будет хорошо!»

И действительно, эта универсальная формула надежды сработала через полчаса, когда в печке затрещали дрова, умело подожженные Витькой. Все собрались в кружок и не отрываясь смотрели на огонь. Повеяло теплом, вспыхнули на стенах языки света, от одежды, развешенной над печкой, начал струиться пар.

«Языческая тяга к огню, к энергии...» – думал Митя.

Мысли его соскочили на энергию, и он укрывшись в знакомом домике физики, убежав из холодной избы, где все было родным по убеждению, но в то же время незнакомым и почти пугающим. Митя словно уговаривал себя любить эту избу, огонь в печи, глиняные кринки, ухваты, самовар с ржавой трубой, ситцевые занавески на окнах. Витькину шляпу и самого Витьку. И тут же подкрадывалась мыслишка о том, что, может быть, и незачем любить все это. Но более властный голос приказывал любить, потому что Мите никак не хотелось допускать разрушения столь поздно выпестованной им в сознании родины.

Сырая изба, плохая погода, хмурый Витька – неужели этого достаточно, чтобы стереть ту тропинку и вообще все, что было семь лет назад?... «А я ведь был моложе...» – вдруг подумал Митя и, словно страхась последующих выводов, вернулся к огню, к энергии и тепловому излучению. Здесь его мысли находили твердую опору, здесь он был хозяином положения и мог никому не объясняться в любви.

Между тем в десятом часу вернулся Анатолий Иванович. Он вошел в темноте, ни на кого не глядя, достал из-за печки подойник и ушел доить Малюту. Бессловесное появление хозяина удручило Митю, и он с тоской подумал, что, возможно, их здесь не примут и придется искать другое пристанище. Витька к тому времени удалился к себе на сеновал, дети тихо сидели в горнице на диване, Аня уже потихоньку обживала избу, раскладывая вещи из рюкзаков.

Хозяин появился вновь минут через двадцать с полным подойником и, подойдя к Мите близко, взглянул на него.

– Никак Дмитрий? – спросил он и улыбнулся наконец, да еще улыбнулся смущенно как-то, трогательно, как подумалось Мите. – А я вишь... Значит, не видал... Так ты...

Анатолий Иванович задвигал руками и засуетился, стараясь выразить радость и удивление. Работа пастуха и полное одиночество среди коров и овец научили его обходиться без слов. Анатолий Иванович разговаривал руками. Он крутил растопыренными пальцами у лица, когда хотел выразить что-нибудь сложное, и самое странное – все было понятно. Правильно построенные городские фразы с подлежащими, сказуемыми и дополнениями вызывали у него изумленное недоумение. Он понимал их, но не мог взять в толк, зачем нужно употреблять столько слов.

– Ребятишки-то... как говорится! Ну, Дмитрий... Аня, значит... Молодцы... – говорил хозяин.

Митя испытывал стеснение от разговора. Ему казалось, что его языка хозяин не поймет, а разговаривать, как Анатолий Иванович Митя не умел.

И все-таки они поговорили, каждый на своем языке, уместив в разговоре семь прошедших лет. Хозяин отлил из подойника две кринки молока и отправился спать на сеновал, предоставив Богиновым избу в полное распоряжение.

Они наскоро поели, выпили теплого еще молока и улеглись где пришлось, надеясь утром обосноваться по-настоящему. Перед сном Митя заглянул в печку и увидел мерцающие в глубине угли, которые еле слышно перешептывались, догорая. Он полюбовался ими с минуту, а потом улегся на скрипучую кровать и попытался уснуть.

Уснуть скоро не удалось. Митя закрыл глаза, нагоняя на себя приятные мысли, собирая их по крохам, но они разбегались, а под веками то и дело вспыхивали синие и белые зарницы. То вдруг мелькал вагон, в котором они ехали, то бесконечная, размытая дождем дорога в Коржино, то пляшущие языки пламени в печи.

Митя открыл глаза и увидел, что изба залита светом луны, глядевшей в окошко над Митиной кроватью. Ветер разогнал тучи, луна вывалилась на чистое небо и уставилась в окно избы немигающим взглядом. От нее проник в дом мертвый голубой свет, который, казалось, можно было потрогать рукою. Он густел, переливался, проникая в Митину голову, заполняя ее и смешиваясь с зарницами и стуком в висках. Вот в нем появились красные точки и поплыли в сторону, когда Митя захотел рассмотреть их получше. Митя почувствовал тяжесть в груди и попытался распахнуть окно. Оно не поддавалось.

Луна теперь была совсем близко, так что на ней можно было разглядеть неровное темное пятно. Потом вдруг луна погасла, а на ее месте осталась круглая дыра с дымящимися красными краями. Митя услышал, как всхрипнула на диване жена. Он с трудом поднял голову, встал с кровати и почувствовал дурноту. Катя спала на раскладушке, и рука ее свешивалась до пола совершенно безжизненно. Митя шагнул к дочери и положил ладонь ей на лоб. Лоб был в холодном поту. Борясь с тяжестью света, Митя дошел до дивана, где спала жена с Малышом. Ему показалось, что Аня не дышит. Он потянул ее за руку, и рука подалась тяжело и неловко. Свет падал косо, как дождь, застилая глаза. Митя рванулся к двери и толкнул ее плечом. Из сеней в избу вкатился холодный шар воздуха и смел душный свет луны. Митя сделал судорожный вдох, голова у него закружилась, но он успел схватить Катю и вынести ее в сени. Там, на вешалке, висели овчинные полушубки. Митя на ощупь нашел их, разбросал по полу и положил на них Катю. Потом он вернулся в избу и вынес Малыша. Аня очнулась и смотрела на Митю остановившимися глазами, не понимая.

– Выходи! – приказал он. – Мы угорели! Угарный газ!

Тут в его голове ни к селу ни к городу пронеслась формула угарного газа, совершенно нелепая в чужой темной избе.

Аня, пошатываясь, вышла в сени. Детей начало рвать. Митя зажег спичку и увидел, как они цепляются пальцами за мех овчины и трясут головками. Аня тут же пришла в себя. Она молча кинулась на крыльцо и принесла оттуда воды. Спичка погасла.

Митя нашел фонарик и высветил на полу круглое пятно. Аня поила детей и вытирала им лица мокрым полотенцем. Когда дети пришли в себя, Аня неожиданно заплакала и отступила в тень, словно провалилась.

– Господи... господи, – слышался из темного угла сеней ее голос. – Митенька, мы же могли все... Просто не проснуться. Я туда больше не пойду.

Митя пошел на крыльцо. Там он нашел топор, всаженный в бревенчатую стену, выдернул его и вышел наружу.

Луна успела удалиться с места преступления и поглядывала на Коржино сбоку. Вид у нее был мирный. Ветер еще носил одинокие капли воды, сорванные с веток. Митя отодвинул висевшую на одной петле калитку огорода и направился к окнам. Он по очереди отогнул толстые ржавые гвозди в переплетах рам и распахнул все три окна.

Он снова подошел к крыльцу, и вот тут, именно в этот момент, во втором часу ночи, первой ночи на своей названной родине, Митя услышал голоса.

Собственно, неизвестно, были ли это голоса, или, может быть, вода стекала по желобку с крыши, или крылья ночных птиц рассекали воздух, или ворочались в хлеву овцы. Но Мите

почудился разговор, словно истекающий от звезд, обильно усыпавших небо. Он поднял голову и по привычке нашел Большую Медведицу. От нее исходил низкий, еле слышный и умиротворяющий голос, похожий на женский своими интонациями, а Полярная звезда вторила ей детским шепелявым голоском совсем неразборчиво, точно по междугородному телефону. Митя прислушался со всем вниманием, но слов нельзя было разобрать.

– Спи... – послышалось ему слово Большой Медведицы. – Спи...

Митя тряхнул головой. У него заболела шея, и глаза заслезились от долгого вглядывания в звезды. Он вернулся к семье, и они вновь устроились на ночлег.

Аня легла с Митей. Ее трясло, и Митя старался согреть ее, прижимая к себе. Наконец Аня уснула. Митя осторожно выскользнул из ее объятий и пошел на диван. Из окна тек холодный воздух. Митя вдохнул его всею грудью, лег рядом с Малышом и тоже заснул.

Утром они смеялись, вспоминая ночное происшествие, и попутно искали печную заслонку. По всей видимости, хозяин закрыл трубу, уходя на сеновал. Но спросить было не у кого. Анатолий Иванович ушел пасти ни свет ни заря, а Витька, оседлав мотороллер, куда-то умчался.

Заслонка не была найдена, а потом о ней забыли. Она возникла только под вечер, когда снова нужно было протапливать печь. Митя решил было идти напролом, сложил в печке дрова и с большими мучениями поджог их. В результате изба наполнилась дымом. Тогда-то и была предпринята последняя отчаянная попытка найти заслонку на чердаке. Но и она не увенчалась успехом.

Спустившись по лесенке вниз, Митя остановился и прислушался. В темном, приятно пахнущем навозом пространстве двора, за перегородкой, угадывались очертания коровы. Черного теленка видно не было. Митя подошел к перегородке и просунул руку сквозь доски. Пальцы натолкнулись на теплый коровий бок. Малыша вздрогнула и подалась назад. Митя провел ладонью по гладкому шерстяному телу коровы точно так же, как ласкал печную трубу, и снова испытал кратковременный прилив нежности ко всему на свете, включая себя самого. Сделав шаг назад, он почувствовал, что угодил ногой в свежую коровью лепешку. Это быстро ликвидировало нежность. Митя схватил клоч сена, вытер ботинок и отправился к Ане докладывать о результате поиска.

Уже выходя из двора, он услышал, как за спиной, из темноты, кто-то явственно сказал:

– Откуда он? Его здесь не было...

– Тихо... – раздался другой голос, напомнивший ему вчерашний голос звезд, и все смолкло.

Митя оглянулся, различил сверху черный провал сеновала, обиталища Витьки, и решил, что тот прячется там вместе с каким-нибудь приятелем. Но выйдя наружу, он увидел, что Витька с грохотом и дымом подкатывает к крыльцу на мотороллере. Фара мотороллера горела, как глаз дракона. Витька молодецки осадил его, два раза прогудел в гудок, возвещая о своем прибытии, и заглушил мотор.

– Слушай, там у тебя на сеновале кто-то, – сказал Митя.

– А-а, – безразлично протянул Витька и принялся закатывать дракона в стойло.

Когда Митя вернулся в избу, оказалось, что хозяин уже пришел, а заслонка обнаружена. В верхней части печки была ниша, прикрытая ситцевой занавеской. Там и находилась заслонка, а вернее круглая дыра, ведущая вниз. Она прикрывалась чугунными, вложенными друг в друга кругами. Митя опознал в них то, что он привык подразумевать под словом «конфорка». Хозяин виновато хмыкал, слушая рассказ Ани об угаре, и объяснял свой поступок тем, что хотел сохранить тепло, потому и прикрыл трубу. Во всяком случае, во избежание повторений Мите было вменено в обязанность проверять состояние чугунных кружков перед сном, что он впоследствии и делал, предохраняя семью от отравления.

Вечером, уложив детей, они вышли с Аней на заветную тропинку и пошли вдоль изгороди друг за другом в молчании. Слева лежало поле в тумане, звезды тихо улетали вдаль, а над полем лилась еле слышная песня. Они остановились, прислушиваясь, но не смогли определить направление, откуда доносилась песня. Может быть, пели в соседней деревне, а может быть, и еще подальше. Голос был хриплый, надтреснутый, он не приближался и не удалялся, слов разобрать не было возможности, да и мелодию они не знали. Митя обнял жену, подхватил ее на руки и понес к изгороди. Там он осторожно опустил Аню на землю, перепрыгнул через изгородь и уже оттуда снова поднял ее и перенес в поле. Аня покорно молчала.

Они пошли по полю в тумане, расступавшемся перед ними. Через минуту деревня исчезла, потом пропали в дымке кривые линии изгороди. Вокруг было только поле с мокрой от росы травой и та же песня, обступавшая со всех сторон. Митя вел жену за руку, и Аня шла рядом, послушная как ребенок. Вдруг они остановились и прижались друг к другу все так же в молчании. Митя снял с плеч жены старый свой плащ и бросил его на землю. Плащ лег пузырем, едва примяв густую траву, и они легли в центр пузыря под звездами в странной немоте.

Они не заметили, как смолкла песня. Перед Митиными глазами было бледное лицо Ани, светящееся в темной траве. Волосы путались с травой, трава пахла волосами жены, а совсем близко качались огромные, покрытые капельками росы стебли, которые касались Митино лица, оставляя на нем холодные следы.

Они утонули в тумане, в поле и слились с землей – почти незаметный на равнине живой холмик.

Внезапно слева от них что-то глухо топнуло, и по земле передался их телам толчок. Воздух сдвинулся, и снова раздался двойной отчетливый удар.

Митя ощутил, как вздрогнула Аня. Они повернули головы на шум и в трех шагах от себя увидели исполинскую тень лошади. Она занимала полнеба. Между связанными веревками передними ногами лошади мерцали звезды. Лошадь опустила голову к земле, сорвала губами несколько травинки, но вдруг прынула ушами и прыгнула обеими ногами вперед. Снова им передался по земле двойной толчок, и лошадь исчезла в тумане.

Митя откинулся на спину, и звезды словно упали на него. Аня беззвучно засмеялась, спрятав лицо у него на груди.

– Вот дура! – в сердцах выругался Митя. – Людей нет, так лошади мешают! – приходя в себя, добавил он и тоже засмеялся, глядя на звезды, которые радостно запрыгали по небу и расплылись неровными пятнышками.

Они не сразу нашли изгородь и тропинку. Туман густел, а выплывающие из него предметы казались поначалу бесплотными, постепенно проявляясь, как негативы, в сыром объеме. Митя и Аня переговаривались шепотом, потому что нарушить эту тишину было нельзя. Изгородь всплыла из тумана, и в тот же момент снова началась хрипкая песня, теперь уже другая.

Они перелезли через изгородь и быстрым шагом пошли по тропинке к деревне. Песня была справа, в поле, в тумане.

– Это наша лошадь поет... – таинственным шепотом произнесла Аня и, осмелев, засмеялась уже громче, словно они миновали запретную для звуков зону.

Глава 3

После разлуки. Односторонняя поверхность. Дед Василий. Нашлись!..

Следующим утром Витька, как всегда в тирольской шляпе, спустился с сеновала, выпил кринку молока, утер рукавом губы и спросил:

– За грибам пойдём?

«Интересно, снимает ли он когда-нибудь шляпу?» – думал Митя в это время.

– За гриба-ам! – весело передразнила Витьку Аня. – Не за грибам, а за грибами!.. Или по грибы? – неуверенно закончила она.

– Все равно, – примирительно сказал Митя и принялся снаряжать экспедицию.

Каждому полагалось по корзинке и ножу. Дети надели резиновые сапоги и куртки с капюшонами. Митя накинул плащ, поскольку небо с утра хмурилось и вполне возможен был дождь.

Аня осталась дома готовить еду на ближайшие дни, чтобы разом с этим делом развязаться. Она уже заполняла огромные чугуны картошкой, вываливала туда из банок тушенку и вдвигала ухватом чугуны в печь.

– Ну, с богом! – сказал Митя и вышел из избы. Витька повел их напрямик через поле к лесу. Он шагал впереди, в сапогах с отворотами и с белым куриным пером в шляпе, появившемся вдруг дерзко и неожиданно. Митя шел последним, слушая разговоры детей и изредка лаконично отвечая на их вопросы.

– Увидите... – говорил он. – Найдем... Или не найдем.

Митя испытывал что-то похожее на волнение. Он готовился к встрече с лесом, как с давним знакомым, который за давностью может и не признать, а хотелось бы, чтобы признал. И сам Митя сомневался – узнает ли места, которые они облазали прошлый приезд вдоль и поперек, так что могли найти дорогу домой из любой части леса, даже если не было солнца. Сейчас Мите более всего хотелось найти березовую рощу, потому что она прочнее других запечатлелась в памяти. Эта березовая роща, встреченная им по-настоящему впервые в жизни прошлый раз, поразила его тем, что выглядела точь-в-точь такой, какой представлялась по книгам или увидена была в кино. Это была классическая березовая роща – чистая, светлая и стройная, как механика Ньютона.

Они углубились в лес по дороге, в глубоких колеях которой стояла вода, а посередине росла редкая трава. Потом Витька круто свернул влево, сказав, что здесь хорошее грибное место. Митя с детьми тоже послушно повернул, взглянув при этом на небо, но определить по солнцу не смог. Низкие лохматые тучи мчались над лесом, почти задевая верхушки деревьев, все участки неба были одинаково светлы или же одинаково темны – смотря как считать. В лесу было сумрачно.

Дети поминутно подбегали к нему с грибами, по большей части сыроежками, волнушками, свинушками, к которым у Мити не было никакой симпатии и доверия, и спрашивали – брать или не брать? Митя отвергал предложенные грибы, а сам все озирался по сторонам и ждал, когда же он начнет узнавать лес, а лес начнет узнавать его. Создавалась натянутая обстановка обоюдного неузнавания, закапал дождь, встреча грозила оказаться испорченной.

– Витька! – крикнул Митя.

– У-у! – отозвался Витька уже довольно далеко.

– Ты нас не бросай! Мы заблудиться можем! – снова крикнул Митя, стараясь придать словам шутливый оттенок. Но кричать в шутку Митя не умел. Получилось жалобно.

Витька вынырнул откуда-то через минуту с корзиной, где перекатывались пять грибов: три подосиновика и два белых.

– Тут не заплутаете. Плутать-то негде, – сказал он и снова исчез.

Дождь незаметно усиливался. Капли, пробившиеся сквозь листву, были мелки и часты. Вскоре к ним присоединились другие, полновесные, копившиеся на ветках. Дети подняли капюшоны и продолжали внимательный поиск. Первые успехи увлекли их, сразу же возникло соревнование, и только Митя никак не мог сосредоточиться на грибах, а вглядывался в глубину леса, все еще надеясь увидеть что-то знакомое.

Он хорошо понимал, что вряд ли узнает какое-нибудь отдельное дерево или участок леса, но упрямо вспоминал прошлые, семилетней давности, походы, на ходу приспособливая воспоминания к тому, что видел сейчас. Постепенно ему стало казаться, что он узнаёт прежние места.

Они наткнулись на развилку дороги с узким клином деревьев между уходящими в глубину леса колеями. Рядом с развилкой высилась почерневшая от дождей поленница, и вот ее-то и узнал Митя.

– Катя, смотри, на этих дровах мы с тобой сидели еще тогда. Ты помнишь? – сказал он дочери.

Катя недоверчиво посмотрела на отца, потом мельком на поленницу, которая ее совсем не заинтересовала, потому что к этому времени она отставала от Славика на один гриб, и нужно было сравнивать счет.

– Не помню, – легко сказала она.

– Ну как же! Вот и пенек, на котором мы грибы раскладывали. Он тогда крепким был, – сказал Митя, указывая на трухлявый мягкий пень, напоминавший своими очертаниями маленький, поросший мхом готический замок.

Конечно, это был чистый вымысел или самовнушение. Поленница никак не могла простоять здесь семь лет, а что касается пенька, то тоже неизвестно – способен ли он был за это время истлеть. Однако Митя обрел некоторую уверенность, хотя со стороны леса пока еще не было проявлено никакого узнавания. Лес надменно молчал.

Грибы на некоторое время отвлекли Митю от выяснения отношений с лесом. Он наклонился к мокрой траве, раздвигал еловые ветки носком сапога и шарил глазами по мохнатым кочкам. Попутно Митя размышлял о единой методике поиска грибов, о некоем универсальном приеме, позволяющем искать грибы эффективно. Научный подход ко всему на свете так глубоко сидел в Митином характере, что любое дело, каким Митя занимался, превращалось для него в математическую задачу.

Митя решил найти оптимальный путь грибника.

Отыскав гриб, который чаще всего выскакивал перед ним неожиданно и именно в том месте, куда он смотрел перед этим целую минуту, Митя начинал описывать расходящуюся спираль вокруг этого места. Улитка Паскаля – вот как на математическом языке называлась кривая, по которой двигался Митя. Когда появлялся новый гриб, Митя мысленно проводил прямую между точками нахождения первого и второго грибов и начинал шагать по перпендикуляру к этой прямой. Ему казалось, что таким способом он охватывает бо2льшую площадь грибницы.

Очень скоро Митя запутался в собственных передвижениях и понял, что кружит на одном месте, имея в активе все те же три белых гриба. Тут он плюнул на методику и пошел наудачу, за что сразу был вознагражден семейством белых, состоящим из двух пар сросшихся грибов – одна пара побольше, а другая поменьше.

– Катя! Малыш! – в восторге закричал Митя, желая показать детям это чудо.

Ему показалось, что голос его пролетел по лесу метров десять и, упершись в стену стволов, сник и потерял силу. Митя крикнул громче, но никто не отозвался. Тогда он поспешно

срезал грибы и быстро пошел в ту сторону, где, по его предположению, должны были находиться дети. Еще не испугавшись, он перешел на бег, вдруг остановился и побежал в другую сторону, непрерывно выкликая имена детей. Ответа не было.

– Витька! – с яростью, до боли в груди, прокричал Митя, будто Витька был повинен в исчезновении детей.

И сразу в нем возник страх, проникая в стучащее бешено сердце и смешивая мысли. Митя поднял лицо к небу, которое быстро бежало неизвестно в какую сторону. Все направления леса были равноправны перед ним, но ни единого звука, кроме шороха капель, не раздавалось.

Митя понял, что потерял детей и сам заблудился, причем заблудился как-то быстро, на ровном месте. Лес сразу представился ему не имеющим конца ни в одной из сторон – нечто вроде односторонней поверхности, перед которой он всегда испытывал трепет.

Односторонняя поверхность – это очень замечательная вещь. Ее легко наблюдать, но понять трудно. Чтобы хотя бы приблизительно представить, какое видение пронеслось в Митиной голове в эту минуту страха и безволия, можно проделать следующий опыт. Взяв длинную полоску бумаги, нужно свернуть ее в кольцо, а затем, повернув один конец полоски на половину оборота, склеить его с другим. Получится лента Мебиуса, то есть одна из разновидностей односторонней поверхности. Только что перед этим полоска имела вполне определенные две стороны и попасть с одной стороны на другую было невозможно, не переступив через край, но вот одно движение пальцев превратило две стороны в одну, и теперь можно спокойно путешествовать по ленте до бесконечности, плавно переходя с одной стороны на другую, а вернее, бесконечно обходя одну и ту же сторону.

То, что было в Митином сознании разделенным на «лес» и «не лес» и имело как бы две стороны, вдруг превратилось в один сплошной лес, простиравшийся до бесконечности. С волос на Митино лицо стекали струйки дождя, и он поминутно утирал глаза влажным рукавом плаща. Было похоже со стороны, будто он плачет, – но с какой стороны? Другой стороны больше не было.

Теперь он мечтал найти ту поленницу, которую так великодушно узнал полчаса назад. Он выбрал направление и зашагал по мягкому мху, гасившему звуки. Не прошло и двух минут, как он вышел на дорогу, но узнать ее теперь не решался. Через каждые три шага он прикладывал ладони ко рту рупором и выкрикивал имена детей. От крика Митя охрип и устал. Лес, который сразу стал ему ненавистен, потому что не узнал и обманул его, расступался перед ним безмолвно и предупредительно, а Митя шел и шел сквозь толпу глухонемых деревьев, постепенно приходя в отчаянье.

За поворотом дороги он увидел маленькую фигурку в сером длинном пиджаке и мокрой кепке. Фигурка ковыляла, помогая себе палкой, навстречу ему. Окрыленный, Митя бегом бросился к ней и узнал деда Василия, Люськиного отца, у которого они жили в прошлый приезд.

– Василий Петрович! – закричал Митя, подбегая.

Дед остановился и взглянул на него снизу вверх. Маленькое и хитрое лицо деда Василия слегка дергалось, а глазки мигали. Они были бесцветны, да и сам дед был серенький, бесцветный, какой-то стертый и словно заспанный.

– Не признаю, стар стал... – сказал он дребезжащим тенором.

– Митя я, Богинов, мы у вас жили, – скороговоркой произнес Митя.

– Нет, не признаю, – сказал дед и сдвинулся с места.

– Вы детей не встречали? Девочку и мальчика? – умоляюще спросил Митя, махнув рукой на воспоминания.

– Не слышу ничего, стар стал... – бормотал дед.

– В какой стороне Коржино? – прокричал Митя ему в ухо.

Вместо ответа старик свернул с дороги в лес и быстрыми шажками стал удаляться. Митя попытался было его догнать, но дед Василий обернулся и погрозил ему палкой. После чего старик скрылся в лесу.

Как ни странно, встреча с дедом успокоила Митю. Он побрел далее по дороге и скоро вышел к той самой развилке, где стояла поленница. На поленнице сидели Катя и Малыш. Между ними на березовых кругляшах были разложены кучки грибов. Дети не заметили Митю, поскольку занимались счетом.

Митя подошел к поленнице и взглянул на грибы.

– Ну, как успехи? – спросил он вяло, чувствуя, что ноги его не слушаются. Потом он сел на пенек, вынул из кармана плаща пачку сигарет и убедился, что они от дождя превратились в кашу. Митя механическим движением выбросил пачку и повторил вопрос.

– Сейчас, папочка, я считаю, – ответила Катя. Подсчитав грибы, она объявила: – Что я говорила? Семнадцать—пятнадцать в мою пользу!

– Я выиграл! – упрямо сказал Малыш, потому что считал плохо, но уверенность в своих силах имел огромную.

– Ну вообще! – сказала Катя. – Папа, он ничего не понимает!

– Где вы были? – устало спросил Митя.

– Здесь, – коротко ответила Катя и удивленно посмотрела на отца.

– А я там был! – махнул рукой Малыш. – Там он рос, а я его ка-ак найду!

Он поднял самый толстый гриб и взмахнул им над головой. Сразу возник спор, потому что Катя считала, что гриб ее. Тут же выяснилось, что ходили они порознь и не перекликались. Им это было ни к чему.

– А вы заблудиться не боялись? – так же вяло продолжал допрос Митя.

– Плутать-то тут негде! – повторила Катя Витькины слова. При этом она дернула плечиком.

– Понятно, – улыбнулся Митя. – Ну, пошли домой.

Отношения с лесом были временно прерваны. Митя вновь надеялся только на себя, а потому вывел детей к деревне прямым путем без лишних волнений.

Через час они уже сидели перед печкой, обильно увешанной их мокрой одеждой, смотрели на огонь и чистили грибы.

– Ты знаешь, я деда в лесу встретил, – сказал Митя жене.

– Какого деда? – не поняла Аня.

– Василия Петровича... Ну Люскиного отца, – сказал Митя и увидел, что жена смотрит на него округлившимися глазами.

– Да ты что! – наконец сказала она.

– А что? В кепке, с палочкой... Еще очень бодрый старикашка. Не слышит только ничего, – усмехаясь, проговорил Митя.

– Митя, он же умер. Мне Люся писала еще год назад... – испуганно сказала Аня. – Ты, наверное, обознался.

– Не знаю... – сказал Митя.

Потом он отложил нож и долго смотрел на угли в печи. В их изломах, в глубоких и причудливых раскаленных трещинах, из которых вырывался жар, ему виделись какие-то морщинистые лица и звериные страшные глаза, полыхавшие недобрым огнем, слышались в потрескивании и шорохе углей невнятные голоса, и все это чудесным образом переходило в знакомую ему науку, в химические реакции и прочие вещи, которые он знал досконально. Но та, другая картина, открывшаяся в глубоком зеве печи, мешала ему. Она таила в себе что-то такое, о чем Мите только предстояло медленно и глубоко догадываться.

Глава 4

Светелка. Наука «для себя». Аппарат познания. Начнем сначала!

Странный человек Митя Богинов! В то время как другие, уехав на природу, вырвавшись на волю, стараются забыть о скучных служебных делах, освободить голову и дать ей возможность легкомысленно отвлечься, Митя с вожделием мечтает о работе. И на этот раз он связывал поездку в деревню с какими-то еще довольно туманными идеями, а главное, с желанием «найти путь». Найти путь нужно было непременно, потому что годы шли, а желаемые результаты никак не появлялись. Митя испытывал предчувствие перемен и острую потребность работать. Он присмотрел в избе рабочее место, тут же названное им «светелкой», хотя там было темновато. Светелка выходила дверью в сени, а с горницей не сообщалась. Там стояла огромная железная кровать с продавленным матрацем, занимавшая половину светелки. Рядом с кроватью находился круглый стол, а чуть дальше, у стены, старый буфет, набитый внизу мешками с крупой и макаронами, а сверху – разными железками, проволокой, гвоздями, ржавыми инструментами, оплывшими свечками, пробками, батарейками, фонарями, пуговицами, веревками, старыми подметками – в общем, всяким барахлом, необходимым в хозяйстве. Видимо, в доме Анатолия Ивановича ничего не выбрасывалось.

В светелке Митя обнаружил стопку старых книг. Разбирая их, он на мгновение представил, что вот сейчас найдет какой-нибудь ветхий манускрипт, прижизненное издание Пушкина или Евангелие на старославянском. Это приятно было представить, но книги все до одной оказались школьными учебниками для самых разных классов – с третьего по восьмой. Митя положил книги на место, успев на секунду открыть наугад учебник физики и тут же, сбоку, вспомнить свой учебник Перышкина, с которого все началось.

Школьная физика была, пожалуй, одним из нелюбимых Митиных предметов. Его учили понятиям и законам, минуя самое интересное – процесс рождения понятий и законов. Митя уже тогда догадывался, что знания добываются каким-то загадочным путем – наитием, что ли, созерцанием и самоуглублением, и что они как-то непостижимо связаны с общественной и личной моралью, но в учебнике Перышкина об этом не было ни звука, если можно так выразиться. Там все преподносилось как результат скучной дедукции и не менее скучного опыта. Поэтому Митя физику как таковую не любил, а любил более всего истину, к которой приближался уже долгие годы, не приближаясь ни на сантиметр, но все-таки двигаясь вперед с ощутимой скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.